

Олег Гаценко

Поэт. Известный ученый в области информационных технологий и защиты информации, доктор технических наук, действительный член Петровской академии наук и искусств, автор более двухсот научных работ. На протяжении многих лет является активным участником и членом Творческого совета различных поэтических серий и сборников, посвященных Крыму и Санкт-Петербургу. Один из основателей литературного проекта «Корона сонетов», посвященного 300-летию первого Русского сонета и 800-летию Мирового сонета. Развивает новые направления поэзии твердых форм, предложил правила оригинальной строфики Питерского сонета. В рамках наставничества в Школе сонета постоянно делится своим опытом и помогает молодым начинающим поэтам в продвижении творческих идей. Автор изданной книги стихов, печатался в многочисленных альманахах и сборниках, его произведения получили высокую оценку в рецензиях известных литераторов и критиков. Лауреат и финалист всероссийских и международных поэтических конкурсов, проводимых литературными объединениями, а также «Литературной газетой». Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Прошедший день

(венки сонетов)

Светлой памяти погибших посвящается

И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война.

Николай Гумилев, февраль 1916 г.

Магистрал

Прошедший день, пропахший стойкой гарью,
стальное солнце уронил в песок.
Не различишь, где запад, где восток
в заречном мареве не ставших явью

коротких снов в прибрежных блиндажах,
и стон луны к груди Днепра прижат
разливом темноты над водной гладью.

Октаву птиц в расстрелянном лесу
сбивает выдох дальнего прилета,
по рваной пустоте идет пехота
в нейтральную глухую полосу,

и в тысяче шагов, политых потом,
под ликом звезд небесного киота
мелькает тень, несущая косу.

1.

Прошедший день, пропахший стойкой гарью,
обрушил небо взрывами ракет,
и мир ослеп, и мира больше нет,
и льется боль в абсурдном зазеркалье,

и обернуться в прошлое нельзя —
в безвременье лишь детские глаза
с крестов глядят под стершейся эмалью.

Две даты выбиты — недолог срок.
Они не доросли, не долюбили.
Оставлены игрушки на могиле.
Безмолвием пульсирует висок.

В надгробие поставив хризантемы,
летающий над землей безумный демон
стальное солнце уронил в песок.

2.

Стальное солнце уронил в песок
ночной дракон, глотающий закаты,
и желчь его сквозь облачную вату
в степную мглу плеснула лунный сок,

и пьет его страдающий от боли
кровавый мак израненного поля
в бинтах из гари танковых дорог.

Земля еще прибавила виток,
отсчитывая время черной бездны,
и дымный саван лег на свод небесный,
огням пожаров подводя итог.

Не видно звезд, и на пути скитаний
среди скелетов обгоревших зданий
не различишь, где запад, где восток.

3.

Не различишь, где запад, где восток,
запутавшись в сплетениях окопных.
Растяжкой заминированы тропы,
раскидан под ногами «лепесток».

Впивается в песок шальная пуля,
последний вальс на бруствере танцую.
В ней жизнь и смерть близки на волосок.

Расплавленное небо льется сталью,
ломая кости брошенных домов.
В глазницах окон, выбитых давно,
луна бледнеет призрачной медалью,

наградой тех, кто перешел рубеж,
оставив мир несбывшихся надежд,
в заречном мареве не ставших явью.

4.

В заречном мареве не ставших явью
херсонских отмелей не распознать.
Улегся Днепр в подлунную кровать,
мерцая оловом под звездной шалью.

Неспешно к морю продолжает путь,
но воды вспять ему не повернуть,
не обмануться мирной пасторалью.

Ночное время разъедает ржа.
Предутреннего неба темный берег
краснеет ожиданием потери
идущих душ по лезвию ножа,

и рвется эхом пулеметной гаммы
по краю жизни вышитый орнамент
коротких снов в прибрежных блиндажах.

5.

Коротких снов в прибрежных блиндажах
коснулись клочья рваного тумана,
и вьется запахом медово-пряным
речная даль в обманном миражах.

Лежит судьба у Бога на ладони
ночной звездой и, отражаясь, тонет
среди мертвых рыб в сгоревших камышах.

На острова пролился не спеша
лимонный свет сквозь облачное сито,
гуляющий по ребрам крыш разбитых,
по комнатам на черных этажах,

и в пустоте вдохнувший пепел ветер
разорванное фото не заметил,
и стон луны к груди Днепра прижат.

6.

И стон луны к груди Днепра прижат,
и едким дымом сводит скулы неба
над мертвой гарью взводного укрепа,
принявшего штурмующий пожар,

и снова «сто двадцатая» упала,
и вздыбилась земля мгновеньем алым,
оставив звон контузии в ушах.

Окопной правды цепкие объятия
не отпускают павшие тела,
и там, где бездна черная легла,
в атаке вечной боевые братья.

Там звезды шепчут: Господи, прости,
и обнимают русские кресты
разливом темноты над водной гладью.

7.

Разливом темноты над водной гладью
из лунных нитей сотканы слова.
Молитву боли шепчут острова,
надев туманно-призрачные платья

с оборкой звезд, мерцающих вдали,
а может, это ангелы зажгли
фитиль в лампаде божьей благодати.

Господь на скорбь земли пролил слезу,
но не дождем, а черной каплей пепла.
От фронтовых пожарищ ночь ослепла,
и взорван путь к распятому Христу,

и облака упали на колени,
и слушают застывшие мгновенья
октаву птиц в расстрелянном лесу.

8.

Октаву птиц в расстрелянном лесу
унес закат, стекая по оврагам.
Последний луч прибудною дворнягой
лизнул поля по сонному лицу,

бросая тени в оспины воронок,
и ночь за краем солнечной короны
открыла путь к небесному дворцу.

Там полусфера сонной позолоты
равновелика храмовым огням,
и требы призрачной души принять
готова россыпь млечного оплота,

макая в тучу лунное перо,
но хрупкость слов затерянных миров
сбивает выдох дальнего прилета.

9.

Сбивает выдох дальнего прилета
затишье предрассветной пелены,
и зараженный вирусом войны
продрогший мир запутался в тенетах,

поставив обреченности клеймо
лучом зари, плеснувшим крик немой
в прицелы орудийного расчета.

И, поминая Бога или черта,
с поправкой выставляется буссоль,
несет снаряд расплавленную боль,
осколками сметая жизнь кого-то.

Судом небесным вынесен вердикт,
и, гарь дымов вдыхая впереди,
по рваной пустоте идет пехота.

10.

По рваной пустоте идет пехота,
на БТР-ах давит грязь полей,
и фронт грозы становится темней,
дожди косые свесив с небосвода.

Пронзают вспышки фосфорным копьем
раскисший вдоль посадок чернозем,
ковыль, склонившийся от непогоды.

И каплями текут по колесу
чужие судьбы роковой рулетки.
Дорога к жизни выпадает редко,
все чаще — путь к смертельному концу,

где ставка на зеро не повторится,
и падает фортуна мертвой птицей
в нейтральную глухую полосу.

11.

В нейтральную глухую полосу
адреналином выплеснуты нервы.
Рассветный миг, возможно, станет первым
из жизни в смерть, в багровую росу,

и воздух будет мягок, и податлив
последний вдох, как испаренье капли,
земной души, дрожащей на весу.

И бритвой солнца вскрытая аорта
кровавый след оставит на траве.
Страницу в неоконченной главе
напишет утро, провожая роту,

идущую в осколки темноты,
и вечность спрячется в словах пустых
и в тысяче шагов, политых потом.

12.

И в тысяче шагов, политых потом,
и в мыслях, вывернутых пустотой,
исход борьбы не ведает никто
на гранях доброты, войной истертых.

И можно ненавидеть и любить
прочерченную линию судьбы
по кромке облаков у горизонта.

Там, у границ невидимого фронта,
склонилась степь, подвластная ветрам,
и звон ключей Апостола Петра
открыл на небе райские ворота

для ищущих прощенья грехов
погибших душ, парящих высоко
под ликом звезд небесного киота.

13.

Под ликом звезд небесного киота
днепровский берег вязок и покат.
Снарядами избитая река
течет во мгле непрожитого года

по струнам памяти дождей ночных,
и в музыке потерянной страны
звучит войны пронзительная нота.

В ней места нет несчетному числу
солдатских неоконченных трагедий,
и снова, как в далеком сорок третьем,
по небу тучи рваные ползут,

стреляя капли с эхом канонады,
и в спазмах электрических разрядов
мелькает тень, несущая косу.

14.

Мелькает тень, несущая косу,
сжимают мины время до разрыва,
и режет жизни сталь неторопливо,
хоть с Богом смерти нет, и в этом суть.

Ночами сумрак надевает бархат
из липких дум естественного страха
и визга пуль, мешающих уснуть.

А по утрам за дымчатой вуалью
пожаром охры льется свет зари,
плюет желудок солнца изнутри
протуберанцы огненной спиралию.

Идет война, как вечности игра.
Вновь «день сурка» сегодня, как вчера —
прошедший день, пропахший стойкой гарью.

